

Среди уголков России,
овеянных поэтической славой,
Красный Рог
не на последнем месте.
Достаточно сказать — здесь
жил Алексей Константинович
Толстой.
Побродите по старому парку,
зайдите во флигель поэта,
где писались
«Князь Серебряный»,
«Смерть Иоанна Грозного»,
«Царь Федор Иоаннович»,
а потом отправляйтесь
к церкви, стоящей
на окраине села
с «елизаветинских времен».
Близ нее вы увидите
приземистое строение склепа,
где покоится прах поэта
и его жены Софьи Андреевны.
О ее судьбе мне и хочется
рассказать.

Фото А. Миловского

Хозяйка Красного Рога

У каждого дома должны быть не только хозяин, но и хозяйка. Только тогда дом можно назвать домом, только тогда горит семейный очаг, на гостеприимный, приветливый огонек которого собираются родственные души. Вековое, святое предназначение хозяйки дома — быть хранительницей этого очага. Кто же она — хозяйка Красного Рога?

Своей будущей жене А. К. Толстой посвятил стихотворение, ставшее одним из самых знаменитых в русской лирике, на его текст написано несколько романсов.

Средь шумного бала, случайно,
В тревоге мирской суеты,
Тебя я увидел, но тайна
Твои покрывала черты.

Русская литература XIX века знала двух Толстых. Но история подчас любит шутки, и история литературы не исключение. Совпадение еще и в том, что их жены носили одинаковые имена, и, следовательно, в России жили в одно время две графини Софьи Андреевны Толстые, каждая из которых оставила светлую память о себе в истории российской культуры; без них панорама литературного мира той эпохи была бы неполной. Но жизнь первой (жены Льва Николаевича Толстого) при желании можно проследить почти день за днем. О второй мы знаем значительно меньше.

Рассказывать о женщине, находившейся всю жизнь на виду у выдающихся современников, наделенных могучим даром слова, очень сложно. Тем более она сама не оставила ни мемуаров, ни даже писем. Сведений немногие крупницы. Ее девичья фамилия Бахметьева. Она родилась в 1825 году. В детстве маленькая Софи буквально во всем опережала сверстников. Интересно семейное предание, которое записала ее племянница С. П. Хитрово: «Когда ей было пять лет, бабушка возила всех своих детей в Саровскую пустынь на благословение к отцу Серафиму, и когда он их всех перекрестил и благословил, то перед маленькой Софией он опустился на колени и поцеловал ей ножки, предсказывая ей удивительную будущность». Однако в юности судьба уготовила девушке суровое «воспитание чувств».

Непросто восстановить события далекой

поры. До нас дошли только глухие отзвуки семейной трагедии. Впрочем, и современники мало что знали. Бахметьевы прятали частную жизнь за непроницаемую завесу. Сама Софья Андреевна также всю жизнь молчала, словно вычеркнула из памяти ужасные воспоминания. Достоверно можно сказать только следующее. На обаятельную, остроумную девушку, прекрасную музыкантшу и певицу (у нее было редкое по красоте контральто) обратил внимание один из приятелей брата, конногвардеец князь Вяземский. Софи будто бы ответила ему взаимностью; но Вяземский оказался вероломным: попросив руки и получив согласие девушки, он в последний момент отказался от женитьбы. Брат Софи вступился за честь семьи и был убит на дуэли Вяземским. Бахметьевы облачились в траур. Наверное, Софи чувствовала на себе косые взгляды родных, считавших ее виновницей трагедии. Такая жизнь была невыносима, и Софи поспешно вышла замуж за страстно влюбленного в нее ротмистра Льва Федоровича Миллера, основным достоинством которого были роскошные пшеничные усы. Как и следовало ожидать, брак оказался несчастливим. Супруги вскоре расстались и стали жить отдельно.

Переломным моментом в судьбе молодой женщины стал январский вечер 1851 года. На бале-маскараде в петербургском Большом театре она встретила Алексея Константиновича Толстого. Поэт тогда еще состоял в штате II отделения собственной Его Величества канцелярии и по долгу службы сопровождал наследника престола. На балу его вниманием завладела высокая стройная пышноволосяя незнакомка в маскарадном костюме. Она умело уклонялась от настойчивых просьб снять маску, однако взяла визитную карточку Толстого, пообещав в ближайшее время дать о себе знать. Действительно, через несколько дней он получил приглашение посетить таинственную даму. К этой встрече, перевернувшей всю жизнь, А. К. Толстой был внутренне готов. Он ощущал, что стоит у роковой черты. Ему, принадлежащему по рождению к высшей русской аристократии, была уготована блестящая придворная карьера. В детстве он был товарищем детских игр наследника престола, будущего Александра II, но с годами пришло

понимание суетности этого блестящего мира и того, что его подлинное призвание — искусство. Между тем молодой поэт был прочно закабален службой. Рутинные обязанности не давали ему возможности сосредоточиться на главном; стихи появлялись только время от времени, исторический роман из эпохи Ивана Грозного (в конце концов получивший название «Князь Серебряный») не двигался дальше первых набросков.

В своей возлюбленной поэт нашел родственную душу. Эстетический вкус Софьи Андреевны Миллер был безупречен. А. К. Толстой сразу же возвел ее на пьедестал верховного судьи своих творений — и никогда в этом не раскаивался. Он писал ей: «...У меня столько противоречивых особенностей, которые приходят в столкновение, столько желаний, столько потребностей сердца, которые я силюсь примирить, но стоит только слегка прикоснуться, как все это приходит в движение, вступает в борьбу; от тебя я жду гармонии и примирения всех этих потребностей. Чувствую, что никто, кроме тебя, не может меня исцелить, ибо все мое существо растерзано...» Софья Андреевна привлекала и необыкновенной одаренностью, свободной владея по одной версии — 14 языками, по другой — 16 (в том числе санскритом). Известен случай (правда, это было уже в 1870-х годах), когда в одном немецком доме по просьбе хозяев Софья Андреевна прямо «с листа» перевела на немецкий «Старосветских помещиков» Гоголя.

Уже зрелые люди, Алексей Константинович и Софья Андреевна пронесли свою любовь через множество испытаний. Внешние обстоятельства были неблагоприятными. Бракоразводный процесс Софьи Андреевны с ротмистром Миллером затягивался на неопределенное время, а с другой стороны, родные поэта предпринимали попытки разлучить их. Мать Толстого устраивала скандалы, обвиняя сына в связи с женщиной сомнительной репутации. Надо сказать, что и Софья Андреевна не искала сближения с родственниками возлюбленного. Она держалась гордо и независимо. Действительно, что общего могло быть у нее с матерью поэта, ставшей притчей во языцех петербургского светского общества? Самодурство и тщеславие графини проявлялись во всем. Например, она намеренно покупала материалы и туалеты в тех же магазинах, что и императрица. Как-то раз она явилась на придворный бал в такой же точно шляпе с пером, как супруга Николая I, чем навлекла неудовольствие августейшей четы. Император был щепетилен в отношениях со своими подданными и даже не разрешал строить зданий выше Зимнего дворца. Поэтому конфузу со шляпой придавалось такое значение. Прошли годы, прежде чем А. К. Толстой и С. А. Миллер смогли вступить в брак. Это произошло только 3 апреля 1863 года.

Они обвенчались в Дрездене в православной церкви. Несколько ранее, 28 сентября 1861 года, был подписан указ об увольнении поэта с придворной службы. Он получил возможность целиком отдаться семейной жизни и творчеству. Жизнь супругов протекала в имениях А. К. Толстого — Пустыньке (под Петербургом), Погорельцах в Полтавской губернии, Красном Роге под Брянском.

Детей, увы, не было, и поэтому супруги взяли на воспитание племянников Софьи Андреевны. Их любимицей стала дочь брата Петра Бахметьева, названная отцом в честь сестры Софьей (по мужу — Софья Петровна Хитрово). Она оставила фрагментарные воспоминания, представляющие большой интерес для биографии Алексея Константиновича.

Автор «Князя Серебряного» и его жена редко упоминаются в русской мемуаристике. Любимая племянница описывает атмосферу дома поэта: «Толстой и Софа (домашнее имя Софьи Андреевны) были для меня недостижимым идеалом добра... Я вложила в них все мое доверие, все мое сердце, все мои идеалы, помимо них ничего не могло существовать для меня. Иногда характер Толстого, нервный и вспыльчивый, пугал меня... Но стоило Софе словом отмахнуть от него наплыв ежедневных дразг и осветить своим вепонимающим умом его растревоженную душу, и он возвращался с молодыми чистыми силами. Страдание, зло, боли, печали не имели власти над бодростью и чистотой его духа... Толстой очень желал развить в нас самостоятельность и трудолюбие, и хотя с нами об этом не говорил, но я часто чувствовала, что Толстой желал внести какую-то систему в наше воспитание, а Софа была против этого и хотела, чтобы в нас, главным образом, развивались силы душевные и воображение, она верила в несравненное могущество фантазии и воображения и душевные, сердечные силы человека, то есть щедрость, сочувствие к другим, забвение себя и всегда присущее желание помочь и утешить были для нее главными причинами бытия и единственным долгом всякого человека». Сама С. П. Хитрово, племянница Софьи Андреевны, стала живым примером успешного применения подобной педагогической методики (при внешнем отсутствии ее). Ее отличали широта взглядов, твердый характер, но при этом она оставалась мягким и отзывчивым человеком.

Начиная с 1868 года, постоянным местом пребывания Толстых становится Красный Рог. Алексей Константинович по матери имел предков из Разумовских, бурно сверкнувшего в XVIII веке, но уже в следующем поколении сошедшего с исторической сцены рода. Поэт был привязан к своей усадьбе. Интересна легенда, объясняющая ее название. По этой легенде, здесь, где некогда

пролегалa граница Руси и Речи Посполитой, произошла жестокая сеча между русскими и поляками, и река Рог, на которой стоит усадьба, стала красной от крови.

Об образе жизни в Красном Роге можно судить по воспоминаниям А. А. Фета, посетившего собрата по перу. Он пишет: «Трудно было выбрать между беседами графа в его кабинете, где, говоря о самых серьезных предметах, он умел вдруг озарить беседу неожиданностью а la Прутков,— и салоном, где графиня умела оживить свой чайный стол каким-нибудь тонким замечанием о старинном живописце или каком-либо историческом лице или, подойдя к роялю, мастерскою игрою и пением заставить слушателя задыхаться лучшею жизнью». Однако от опытного помещичьего глаза Фета не укрылась масса «странностей» в ведении хозяйства. Так, он поразился обилию стогов на полях. Ему объяснили, что стога не убирают в течение двух-трех лет, а затем просто-напросто сжигают. Фет саркастически отметил, что подобного хозяйственного метода он не понимает и никогда не поймет. Вообще о легкомыслии владельцев Красного Рога создавались легенды. К примеру, однажды крестьяне попросили у графа дров на зиму, и он, не задумываясь, позволил вырубить липовую рощу вблизи от усадьбы; это было соврением исполнено.

Такой расточительности даже «лирический» Фет одобрить не мог. Тем не менее он полагал себя счастливым, что ему довелось в жизни встретить такого прекрасного, рыцарски благородного человека, как Алексей Константинович. В свою очередь и последний гордился дружбой с Фетом. «...Не думаю, чтобы во всей России нашелся кто-либо, кто бы оценил Вас, как я и моя жена,— писал он Афанасию Афанасевичу.— Мы наемни считали, кто из современных иностранных и русских писателей останется и кто забудется. Первых оказалось немного, но когда было произнесено Ваше имя, мы в один голос закричали: «Останется, останется навсегда!»

28 сентября 1875 года Софья Андреевна овдовела. А. К. Толстой имел богатырское телосложение и большую физическую силу. Однако «внешность не соответствовала сути». Алексей Константинович постоянно болел, всю жизнь его преследовали мучительные головные боли. Почти каждое лето он ездил за границу на курорты, но ничего не помогало. Поэт скончался в Красном Роге на 57 году жизни.

Похоронив мужа, вдова покинула усадьбу и переехала в Петербург. Многочисленные друзья покойного поэта остались и ее друзьями. В литературных кругах она пользовалась репутацией женщины исключительно умной и образованной. Мнение современников подытожила дочь Ф. М. Достоевского Любовь Федоровна: «Графиня относилась к

числу тех женщин-вдохновительниц, которые, не будучи сами творческими натурами, умеют, однако, внушать писателям прекрасные замыслы».

Софья Андреевна особой красотой не отличалась, к кокетству склонна никогда не была. Она умела быстро окружать себя представителями творческого мира, привлекая незаурядным умом, сердечностью и тактом. В этот период была постоянно одета в черное платье с обязательной вдовой вуалью на седых волосах. Она почти никуда не выезжала, и почти всегда можно было застать ее дома. Навещали только самые близкие друзья, среди которых были Ф. М. Достоевский и молодой философ Владимир Соловьев.

Знакомство Достоевского с Софьей Андреевной состоялось, по-видимому, в 1863 году. Проигравшийся в пух и прах в рулетку, известный писатель лихорадочно искал, кто бы из соотечественников смог ему ссудить денег. А. К. Толстой был одним из тех, кто подал Достоевскому руку помощи. Он и Софья Андреевна после свадьбы проживали в Дрездене, куда к ним, вероятно, и приехал невезучий игрок. Много лет спустя, встретившись в Петербурге с уже знаменитым автором «Преступления и наказания» и «Бесов», Софья Андреевна была очень рада возобновить близкое знакомство. Постепенно у Достоевского выработалась привычка заходить к ней во время своих ежедневных прогулок. Именно благодаря Достоевскому ее салон быстро вошел в моду. И если в рассылаемых приглашениях на вечер в свой дом Софья Андреевна указывала, что Достоевский обещал ей быть, это заранее означало, что будет «аншлаг».

Достоевского привлекало, что у Софьи Андреевны, много читавшей на всех европейских языках, всегда можно было узнать последние литературные и художественные новости. Сам он, перегруженный работой над «Дневником писателя» и «Братьями Карамазовыми», был лишен такой возможности. Но Достоевский обладал сложным характером. Каким он являлся на вечерах Софьи Андреевны, можно судить по воспоминаниям его дочери: «Достоевский не был светским человеком и совсем не старался казаться любезным людям, которые ему не нравились. Если он встречал людей доброжелательных, чистые и благородные души, он был настолько мил с ними, что они никогда не могли забыть его и даже через двадцать лет после его смерти повторяли слова, сказанные им Достоевским. Когда же перед отцом оказывался один из снобов, которыми были полны петербургские салоны, он упорно молчал. Напрасно старалась тогда графиня Толстая прервать его молчание, искусство задавая ему вопросы; отец отвечал рассеянным «да», «нет» и продолжал рассматривать сноба как удивительное и вредное насекомое. Подобной нетерпимостью отец нажил себе мно-

эти образы, центральные в философском учении Владимира Соловьева. Может быть, понять их помогут следующие его слова:

Заранее над смертью торжествуя,
И цепь времен любовью одолев,
Подруга вечная, тебя не назову я,
Но ты почувешь трепетный напев...

Не веря обманчивому миру,
Под грубою корою вещества
Я осызал нетленную порфиру
И узнавал сиянье Божества...

Умная и даровитая С. П. Хитрово, конечно, в очень большой степени соответствовала идеалу философа. Но, будучи вполне земной женщиной, она, овдовев в 1896 году, не решилась связать с ним свою судьбу, заявив, что в ее возрасте необходимо уже думать не о себе, а о внуках. Возьмем иной портретный набросок, автор которого другой выдающийся русский мыслитель К. Н. Леонтьев. В Хитрово, писал он, были «соединены изумительно лейб-гусарский юнкер и английская леди,

мать и супруга, японское полудетское личико и царственная поступь, злость и самая милая грация, восхитительное косноязычие и ясный твердый ум». Надо думать, что не последнюю роль в глубокой привязанности к обеим женщинам сыграли их имена (София — по-гречески «мудрость»). Философ придавал большое значение жизненной символике, ибо был твердо уверен, что ничего случайного в мире нет.

...Софья Андреевна Толстая пережила Алексея Константиновича на семнадцать лет. Гроб с ее телом поставили в склепе рядом с гробом поэта. Такова была обоюдная воля усопших.

Когда я прихожу к могиле Толстых, невольно спрашиваю себя: «Сбылось ли предсказание Серафима Саровского?» Наверное, да. Перефразируя крылатую строку В. А. Жуковского, я бы сказал: «Не следует говорить с тоской — их нет, но с благодарностью — были».

А. П. Брюллов
Портрет Н. Н. Пушкиной
1832

К. Гампельн
Портрет Н. Обуховой
Ок. 1840 года

М.-Л.-Е. Виеж-Лебрен
Портрет В. Нарышкиной

Неизвестный художник
Портрет А. Керн